

Научная статья
УДК 316.77
doi: 10.54398/1818510X_2023_1_122

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА
ИНСТИТУТОВ ПРАВОПОРЯДКА РОССИИ

Муратшина Юлия Радиковна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
juliamuratshina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1548-811X>

Аннотация. В настоящей статье исследуется роль социальных коммуникаций институтов правопорядка в построении их образа. Актуальность проведённого исследования определяется повышением значимости двусторонних и прозрачных социальных коммуникаций для эффективного осуществления деятельности органов правопорядка в современной России. Ввиду актуализации коммуникативной функции институтов правопорядка проведён анализ её философских и правовых аспектов. Автором выявлены существующие проблемы в коммуникации институтов (органов) правопорядка и общества, препятствующие её эффективности и постоянству. Методологической базой исследования стали общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и формально-юридический методы (в части анализа текста нормативных правовых актов). Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных философов, политологов, социологов и правоведов разных лет, затрагивающие тематику правопорядка, его институтов, позиционирования их образа, их социальных коммуникаций. Одним из ключевых выводов проведённого исследования является утверждение, согласно которому вопрос коммуникаций между институтами правопорядка и обществом имеет глубокие социально-философские и правовые основания: так, именно индивиды в гражданском обществе определяют своими правами и законными интересами смысл и содержание деятельности органов правопорядка. Результатом проведённого исследования стало обозначение автором концептуальных основ и новых направлений развития коммуникационной деятельности органов правопорядка, а также рекомендации по совершенствованию их образа в восприятии современного социума.

Ключевые слова: социальная коммуникация, социальные институты, правопорядок, институты правопорядка, образ, коммуникативная функция институтов правопорядка, философско-правовые основы коммуникации институтов правопорядка, «полиция для общества», эффективность социальной коммуникации институтов правопорядка

Для цитирования: Муратшина Ю. Р. Роль социальных коммуникаций в формировании положительного образа институтов правопорядка России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 1 (74). С. 122–127. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_122.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE ROLE OF SOCIAL COMMUNICATIONS IN THE FORMATION OF A POSITIVE IMAGE
OF RUSSIAN INSTITUTIONS OF LAW AND ORDER

Yulia R. Muratshina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
juliamuratshina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1548-811X>

Abstract. This article discusses the construction of the image of law enforcement institutions in social communications. The importance of the communicative function of law enforcement institutions is pointed out, its philosophical and legal aspects are analyzed. The existing problems in the communication of the institutions of law and order and society, hindering its effectiveness and consistency, are noted. The relevance of the study is determined by the increasing role of bilateral and transparent social communications for the effective operation of law enforcement institutions in modern Russia. The methodological basis of the study was general scientific methods of analysis and synthesis, descriptive and formal legal methods (in terms of analyzing the text of normative legal acts). The theoretical basis of the study was the works of domestic and foreign philosophers, political scientists, sociologists and jurists of different years, concerning the topic of law and order, institutions of law and order and their social communications. The result of the conducted research is the formulation of the conceptual foundations and current directions for the development of the communication activities of the police institute, as well as proposals on ways to improve the image of the internal affairs bodies.

Keywords: social communication, social institution, law and order, law enforcement institutions, image, communicative function of law enforcement institutions, philosophical and legal foundations of communication of law enforcement institutions, effectiveness of social communication of law enforcement institutions, community policing

For citation: Muratshina Yu. R. The role of social communications in the formation of a positive image of Russian institutions of law and order. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 1 (74), pp. 122–127. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_122.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Институты правопорядка составляют один из важнейших элементов органов исполнительной власти и государственного механизма в целом. Являясь по своей природе социальными, институты правопорядка представляют собой сложные сочетания фактов и связей, существующие во взаимодействии с людьми, группами и другими субъектами правоотношений. При этом уже в классических концепциях социального института мы находим указания на значимость медиации в этом процессе. Так, Э. Дюркгейм полагал, что социальным фактом становится не какое-либо действие внутри института, а конкретная оценка этого действия с точки зрения

устоявшихся правил и других форм нормативного отношения [7, с. 30–32]. Отношение возникает внутри системы или даже сети коммуникаций, а поэтому от способа описания, выбора канала передачи, особенностей аудитории зависит конечный образ не только социального факта, но и социального института.

Схожее имплицитное указание на значимость медиа и образа можно найти и у Т. Парсонса в работе «О структуре социального действия». Его структурно-функциональная теория трактует социальный институт как «организованную систему культурных представлений норм, общих для большинства индивидов» [2, с. 56], которая координирует социальные действия, обеспечивая устойчивое функционирование общества. В данном случае нельзя не отметить, что чем важнее место конкретного института в общественной системе, тем мы более заинтересованы в выстраивании его адекватного образа через концептуально продуманную организацию коммуникации данного института с обществом в целом. Этот же аспект можно отметить в современных теориях о социальных институтах, несмотря на все их расхождения между собой (например, в логике «социальных полей» П. Бурдьё [3, с. 41–58], в неинституционализме [11, с. 6–17], в теории структуризации Э. Гидденса [5]).

Основываясь на вышеприведённом тезисе, можно утверждать, что в деятельности институтов правопорядка, по которой во многом общество судит о реальности (или же фиктивности) реализации ими своих функций, особое значение имеет коммуникативная функция. В связи с этим осуществление этой функции представляется важным как для теоретического осмысления, так и практических действий на постоянной основе. Попытка такого осмысления и будет предпринята в рамках данной статьи.

Актуальность проведённого исследования обусловлена возрастающей ролью коммуникативной функции институтов правопорядка в реалиях информационного общества со всё более усложняющейся структурой.

Научная новизна исследования состоит в выявлении философско-правовых оснований социальной коммуникации институтов правопорядка и выдвигании рекомендаций по её совершенствованию.

Основная часть

Коммуникативная функция институтов правопорядка: философские и правовые аспекты

В современном философском и правовом дискурсе сложным и многогранным социальным коммуникациям, опосредующим их информационным потокам и процессам, взаимодействию институтов государства и гражданского общества придаётся исключительное значение. Однако подобное внимание, увы, не всегда ведёт к явному взаимодействию теории и практики. В то же время понимание важности социальных коммуникаций даёт основание сделать вывод о том, что «право невозможно рассматривать вне коммуникативного ракурса» [12, с. 153]. Важно, на наш взгляд, не только констатировать эту значимость, но и детально проанализировать как общие механизмы, так и особенности конкретных общественных систем, чтобы предложить решения для возникающих трудностей.

В литературе по данной проблематике справедливо отмечается, что «деятельность сотрудников правоохранительных органов неразрывно связана с выполнением одной из основных функций – коммуникативной» [1, с. 118]. Это означает, что работники институтов правопорядка по сути своей работы устанавливают связи или влияют на них. Это может быть поиск и обмен информацией с различными субъектами, инициация запросов и понимание других (как сведений от них, так и их контекста), участие в разрешении конфликтов. Поэтому «коммуникативная функция неразрывно связана с другими функциями органов правопорядка. Коммуникативная деятельность выступает не только в качестве важного аспекта, но и в качестве системообразующего фактора организации в работе правоохранительных органов» [1, с. 119]. Приведённая позиция, с одной стороны, хорошо демонстрирует важность коммуникационной составляющей, с другой – является недостаточно полной, поскольку чрезмерно акцентирует внимание на коммуникациях в целях противодействия преступности (получение соответствующей информации, разрешение конфликтов). Социально-философский подход предполагает рассмотрение коммуникативной функции в более широком контексте, прежде всего, как ориентированной на позитивное позиционирование органов правопорядка в общественном сознании. Такой подход позволяет нам перейти от анализа и нормирования действий к постановке задач создания долгосрочного положительного эффекта от привлекательного для граждан образа институтов правопорядка. Плановмерное выстраивание и улучшение имиджа их сотрудников и, как следствие, повышение уровня доверия к ним со стороны общества представляется не менее важным в организации стабильного функционирования общества и государства.

Широкий взгляд на коммуникативную функцию институтов правопорядка обоснован общеправовым звучанием тематики коммуникаций между государством (в лице его институтов) и обществом, в том числе гражданским обществом, которое по своей природе несколько дистанцировано от властно-принудительных структур и нуждается в обязательном учёте своих коренных интересов для нормального (бесконфликтного и в перспективе совершенствующегося) функционирования государственно организованного социума в целом.

Г. В. Ф. Гегель писал: «если смешивать государство с гражданским обществом и полагать его назначение в обеспечении и защите собственности и личной свободы, то интерес единичных людей как таковых оказывается последней целью, для которой они соединены, а из этого следует также, что в зависимости от своего желания можно быть или не быть членом государства. Однако на самом деле отношение государства к индивиду совсем иное; поскольку оно есть объективный дух, сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства. Объединение как таковое есть само истинное содержание и цель, и назначение индивидов состоит в том, чтобы вести всеобщую жизнь...» [4, с. 279].

Позволим себе развить эту мысль указанием на то, что индивидам в современном обществе важно не просто вести всеобщую жизнь, но и определять своими правами и законными интересами смысл и содержание деятельности государственных институтов, в том числе органов правопорядка. Собственно, осмысленность действий государства в социальной сфере делает его (государства) участие для человека и более правомерным, и более востребованным (т. к. психологически проще принять те нормы, которые находятся в гармонии как с личным пониманием, так и со свободами гражданина). Такое состояние помимо социально-философских имеет и чёткие правовые основания: согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими; они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Конституция и её основополагающие положения являются фундаментом всей деятельности институтов правопорядка, в том числе в их взаимодействии с обществом. «Конституция как высший закон государства, – отмечает А. Х. Денильханов, – закрепляет неотчуждаемые права гражданина, устанавливает баланс сил и интересов верховной государственной власти и её граждан». Необходимость такого основополагающего закона в жизни социума обусловлена тем, что «человеческая жизнь постоянно развивается и опережает консервативные нормы положительного права» [6, с. 4]. Особо подчеркнём важность баланса интересов, на достижение которого во многом направлены социальные коммуникации.

Б. Н. Чичерин, опираясь на философское наследие Г. В. Ф. Гегеля, констатировал, что «находясь в государстве и подчиняясь ему внешним образом, общество состоит с ним в постоянном взаимодействии. Оно влияет на государство, так же как последнее, со своей стороны, влияет на него... для человеческой личности, для её свободы и прав, это признание самостоятельности гражданского общества имеет в высшей степени важное значение, ибо этим оно ограждается от поглощения целым» [16, с. 259]. Самостоятельность гражданского общества и наличие у него собственных интересов предьявляет к институтам правопорядка особые требования по выстраиванию эффективной и продуктивной коммуникации. Только в условиях, когда органы правопорядка «слушают и слышат» общество, совершенствуются с целью защиты прав и законных интересов социума, можно говорить о том, что выстраивается их позитивный образ в общественных коммуникациях.

В вопросе изменений общества мы придерживаемся позиции, согласно которой следует учитывать не только объективные факторы (изменения среды, международные процессы, технологии и групповые интересы), но и intersubjective¹, среди которых отдельно стоит выделить наличие/отсутствие ценностных ориентиров (образа результатов преобразования), расположение участников

¹ В понимании этого термина мы следуем идеям А. Шютца [см.: Шютц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004].

к договорным отношениям (что включает и доверие). Органам правопорядка важно занять позицию участника коммуникации, способного и к инициативе, и к адекватному реагированию на запросы граждан. В противном случае возникает глубокое внутреннее противоречие, способное привести к росту социальной напряженности и трудно преодолимой внутренней антиномии между обоснованными интересами общества и деятельностью органов правопорядка, замкнутой на саму себя.

О проблеме отсутствия надлежащей коммуникации ввиду отчуждения человека от государственных институтов ярко и убедительно писал И. А. Ильин: «неуважаемая власть живет страхом, сея трепет и трепещая, боясь мести и вымещая свой страх, враждая с гражданами и воспитывая в них "внутреннего врага"; и губит в стране авторитет власти права и государства. Подобно этому, гражданин, не уважающий свою власть, имеет больное правосознание и разрушает свое государство. Не уважая свою власть, он не может и не хочет строить с нею вместе правопорядок и культуру страны. В сущности говоря, он не признает её властью и не бережёт её авторитета, он не помогает ей, а мешает» [9, с. 205]. Для современного государства такая ситуация чревата катастрофическими последствиями. И. А. Ильин делает однозначный вывод: «взаимное недоверие есть сила, разрушающая правопорядок и государство» [9, с. 208]. С учётом этого вопрос о доверии общества институтам правопорядка является фундаментально значимым для самой жизнедеятельности государственно организованного социума.

Проблема эффективности социальной коммуникации институтов правопорядка

Поставив вопрос о доверии, проанализируем рефлексии конкретных социально-исторических и культурных условий, в рамках которых работают механизмы медиации, придающие силу и смысл знакам доверия или недоверия. В то же время данный вопрос не стоит рассматривать как сугубо практический, решаемый только средствами специалистов в области public relations и медиаторики. Важно помнить и об основаниях той регуляции, которую мы закладываем в образы коммуникации. Так, в русской либеральной традиции всегда большое значение придавалось выстраиванию государством социальных коммуникаций именно на основе уважения к обществу и личности. К примеру, выдающийся деятель русского земского движения XIX в. Д. Н. Шипов писал, что «государственный строй и установленный в нём правопорядок должны исходить из признания равенства всех людей и обеспечения каждой личности полной свободы в своём духовном развитии и в своих действиях, не причиняющих ущерба и не производящих насилия по отношению к своим ближним в христианском значении этого слова» [17, с. 340]. Свободу личности не следует абсолютизировать, поскольку она должна быть разумно ограничена свободой других членов того же общества (в соответствии со ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц), но в то же время согласимся с тем, что именно на обеспечение свободного развития личности в социуме (в том числе и в аспекте защиты от противоправных посягательств) должна быть направлена правоохранительная деятельность институтов правопорядка.

В современной философии права подчёркивается, что «интеллектуально-волевая основа правопорядка выражает субъективное отношение общества в целом и отдельных его членов к правопорядку» [15, с. 19]. Там же отмечается важность доверия как фактора формирования правопорядка, волеобразование / волеизъявление при формировании права и его реализации. Безусловно, правопорядок во многом производится от базовых конвенций между членами общества, которые, в свою очередь, предполагают если не реальное, то хотя бы декларируемое доверие между ними. Не менее важно, что подобные декларации будут закреплены в соответствующих нормах так, чтобы люди могли полагаться на них при выстраивании сосуществования и взаимодействия. Интеллектуально-волевые компоненты отношения к институтам правопорядка в современном социуме во многом определяют готовность граждан к конструктивному взаимодействию с ними, потому значимость коммуникативной составляющей правопорядка и коммуникативной функции его институтов не вызывает сомнений, а совершенствованию образа органов внутренних дел в социальных коммуникациях на государственном уровне должно уделяться самое пристальное внимание.

Подчеркнём, что предназначение современных институтов правопорядка прежде всего заключается в постоянном профессиональном обеспечении реального действия правовых норм в обществе в целях поддержания условий для правомерного поведения индивидов и их общностей, для реализации и защиты их прав, свобод и законных интересов, для применения наказаний (санкций) за правонарушения, а также в осуществлении постоянного взаимодействия (поддержки коммуникации) с обществом в процессе достижения этих целей. Именно постоянство коммуникации и становится проблемой и вызовом особенно для государства на фоне современного общества с его очень сложной, перегруженной структурой медиа. Сегодня у государства нет монополии на средства массовой коммуникации, да и их контроль крайне затруднён, более того, наиболее массовые в прошлом источники вещания (газета, радио, телевидение) стремительно теряют аудиторию. Внутри же новых медиа происходит постоянный процесс изменения структуры и флуктуации аудитории: популярные каналы и авторы (трендсеттеры и лидеры мнения, т. е. лица, формирующие общественное мнение) могут сменяться довольно быстро, как и площадки, на которых они вещают. Государство и его институты часто оказываются консервативными и медленно реагирующими в таком контексте, что приводит к серьёзному искажению всей коммуникации с обществом. Поэтому существенной проблемой при институционализации общественных отношений, на наш взгляд, является информационная изоляция. Во многом усилия, предпринимаемые органами правопорядка по выстраиванию общественных связей, являются своего рода работой в «информационном вакууме» – без контроля необходимого объёма освещения в медиaprостранстве и отслеживания реальной «отдачи» от информационного взаимодействия с гражданами, институтами гражданского общества, социумом в целом. В целях решения этой проблемы органы правопорядка должны постоянно поддерживать каналы обратной коммуникации на всех этапах ведомственного нормотворчества, при реализации своих нормативных актов, при организации практической деятельности, в особенности – в непосредственном взаимодействии с гражданами. На каждой стадии этих процессов важна соответствующая информационная кампания: освещение в СМИ, интерактивная коммуникация в интернет-среде и т. д.

Необходимой составной частью деятельности органов правопорядка должна стать двусторонняя (и даже многосторонняя – с участием других органов, редакций СМИ и интернет-порталов и т. д.) коммуникация, которая позволит им покинуть «информационный вакуум» и ориентироваться на реальные потребности, интересы, запросы, оценки общества, отдельных индивидов, постоянно совершенствовать качество своей работы на благо этого общества. Подобная стратегия сильно отличается по своей сути от практики работы современных российских пресс-служб при правоохранительных органах. Последнее десятилетие даже простой потребитель новостей способен увидеть, что пресс-релизы и выступления должностных лиц органов правопорядка выглядят в основном как запаздывающая реакция на события, ставшие уже широко обсуждаемыми в средствах массовой коммуникации. При этом если отечественные политические деятели осваивают социальные сети и являются их активными пользователями [8, с. 30], то службы органов правопорядка делают это крайне неохотно. В некотором смысле это объяснимо отнюдь не консерватизмом, а последствиями неудачного или неточного сообщения: политику подобно обычно грозит потерей доверия (которое можно вернуть впоследствии), в то время как для сотрудников органов правопорядка это может обернуться различного рода взысканиями.

Таким образом, важный аспект, требующий осмысления – это эффективность коммуникации, а также все те концептуальные, структурно-организационные и технические моменты, которые сюда включены. Это же отмечают и современные исследователи: «коммуникативная деятельность работников правоохранительной системы должна базироваться на общесоциологических категориях и законах, которые первичны и определяющие по отношению к психологическим категориям. Учёт данного методологического положения во многом определяет эффективность коммуникативной деятельности и решения проблем безопасности населения» [1, с. 118]. Не следует, конечно, приуменьшать значение и психологических факторов, поскольку во многом от психологии общения и личных качеств сотрудников, вступающих во взаимодействие с обществом, гражданами и их объединениями, зависит эффективность всей коммуникации и «запечатлевающийся» в общественном сознании образ органов правопорядка. Этика и этикет общения крайне важны для любой профессии, но особенное значение любой нюанс приобретает в экстренных и критических ситуациях (это не только «вопрос жизни и смерти», но и любая реальная угроза интересам индивида).

Концепция «Полиция для общества» как комплекс мер по совершенствованию социальной коммуникации институтов правопорядка

Переходя к практическим рекомендациям, прежде всего установим, что изменения могут происходить как «сверху», так и «снизу», что зависит от многих факторов, начиная от архитектуры государственной системы и заканчивая культурным кодом и менталитетом граждан. Продумывание полноценной системы мер действительно потребует от нас детального анализа всех элементов коммуникации (в схеме Г. Лассуэла): содержания сообщений, адресанта, медиаканалов, аудитории и эффектов [10, с. 271]. Проведение подобного анализа в рамках указанной схемы представляется важным для осуществления практических мер, однако не является целью данной статьи. Поэтому целесообразнее предложить решения, наиболее привычные дизайну российской системы институтов правопорядка.

Органы правопорядка у социума в первую очередь ассоциируются с полицией как органом исполнительной власти, с которым он наиболее тесно связан. Ключевым решением, которое можно было бы назвать приоритетом развития, на наш взгляд, должно стать создание и внедрение концепции «полиция для общества». Это наименование мы предлагаем по аналогии с набравшей силу во многих зарубежных странах концепцией «community policing» («полиция на службе общества»). Для реализации этой концепции необходима идеяная (социально-философская) трансформация подходов полиции к выстраиванию своей работы от формализованного исполнения полномочий, закреплённых в нормативных правовых актах, к заинтересованному взаимодействию с обществом с целью привлечения как можно более широкого круга сторонников, стремящихся к оказанию содействия правоохранительным органам, сотрудникам полиции.

В свою очередь, для формирования такой установки в общественном сознании необходимы: 1) существенное повышение уровня доверия граждан к полиции; 2) формирование у граждан чёткого понимания и принятия того, что действительным приоритетом работы полиции становится не абстрактная охрана правопорядка, но защита прав «рядового гражданина», каждого конкретного человека.

Отметим также следующее: традиционно для полиции приоритетом является охрана правопорядка как таковая. В какой-то степени уже это сужает пространство восприятия в обществе и самопонимания у сотрудников правоохранительных служб. Нам кажется важным изменить этот приоритет, значительно сместив его на защиту прав и свобод граждан, как это указано в вышеупомянутом законе «О полиции». Причём этот процесс должен сопровождаться соответствующим позиционированием образа современной полиции в общественном сознании. Необходимо провести широкую информационную кампанию в СМИ и интернет-пространстве, отражающую и объясняющую доступным языком комплекс шагов по её «приближению» к потребностям, ожиданиям и интересам общества.

Реализация такой кампании может иметь следующее направление. Министерству внутренних дел Российской Федерации необходимо совместно с Министерством культуры Российской Федерации и Фондом кино проработать вопрос о создании и широком прокате в кинотеатрах линейки кинопродукции (художественных фильмов, в том числе так называемых «байопиков» – фильмов, основанных на биографиях реальных людей), ориентированной на создание положительного образа органов правопорядка, прежде всего полиции и их сотрудников. Исследования в этой области показывают очень высокие показатели просмотров, рейтинги и значительную степень позитивного воздействия на зрителей отечественных фильмов патриотического содержания, а также «байопиков» на спортивную тематику («Легенда № 17», «Движение вверх» и др.), снятых в России за последние несколько лет. Ярким примером 2021 г. может служить художественный фильм «Небо», посвящённый героизму российского летчика, погибшего при исполнении воинского долга в Сирии, и в целом мужеству военных лётчиков. Аналогичные фильмы должны, по нашему мнению, последовательно сниматься про сотрудников органов правопорядка. К сожалению, зачастую имеет место обратная ситуация: популяризируются герои, действующие полулегально и даже противостоящие сотрудникам полиции. Руководству МВД России (совместно с коллегами из Следственного комитета, Федеральной службы войск национальной гвардии РФ и других органов правопорядка) стоило бы предпринять комплекс мер, направленных на изменение этой тенденции и на популяризацию образа своих сотрудников через возможности киноиндустрии.

Соответствующим образом необходимо проработать вопрос и с руководством общероссийских телеканалов, заказывающих для своего эфира телефильмы и телесериалы. В телепродукции также должно больше внимания уделяться демонстрации положительных сторон служб в правоохранительных органах, их деятельности по защите прав человека, укреплению правопорядка. В конечном счёте фильмы, сериалы и даже крупные репортажи обычно заимствуют структуру у романа, где издавна присутствует просветительская функция. Сюжет романа представляет читателю сложную (социальную, этическую и др.) ситуацию, в отношении которой герои выступают как модель решения проблемы. Очевидно, что задачам доверия органам власти и укреплению правопорядка не способствуют истории об успешных преступниках и вилгантах, производящих самосуд. В то же время от подобных сценариев потребуются не только нужное содержание, но и высокие эстетические достоинства, которые крайне сложно зафиксировать в понятных критериях и показателях. И всё же мы полагаем, что реализация такого комплекса мер будет способствовать укреплению доверия в обществе к сотрудникам полиции и другим правоохранительным органам, возрастанию престижа службы в органах правопорядка в глазах граждан, прежде всего молодёжи (что важно при выборе будущей профессии), и в конечном итоге – повышению эффективности коммуникации институтов правопорядка с обществом.

В литературе иногда высказывается мнение, что «необходимо с помощью социологических исследований выявлять степень удовлетворённости теми или иными аспектами деятельности полиции и сопоставлять её со статистическими данными. Социальная эффективность государственных органов определяется в конечном счёте тем, насколько благополучна жизнь граждан, как развивается социальная сфера, экономика, малый и средний бизнес на данной территории» [1, с. 123]. Позволим себе не согласиться с тем, что для социальной эффективности деятельности именно полиции определяющим фактором является развитие предпринимательства на конкретной территории как таковое или социальное развитие в целом. Всё-таки они определяются сложным комплексом социально-экономических факторов, лежащих во многом далеко за пределами компетенции правоохранительных органов. Однако акцент на важности социальной удовлетворённости деятельностью полиции, на наш взгляд, действительно весьма значим. При этом стоит понимать, что коммуникация формирует образ, а не истинное знание, в силу этого даже удовлетворительный уровень правопорядка может соседствовать со стереотипами и социальными мифами о полиции. В связи с этим нужно продумывать не только меры популяризации деятельности правоохранителя, но и активно работать на противодействие неадекватным или ложным оценкам реального функционирования полиции. В современной медиасфере почти невозможно предотвратить появление предвзятых мнений и «фейков», однако попустительством им неразумно и контрпродуктивно. Целесообразно предложить в этом плане следующие направления совершенствования формирования образа органов внутренних дел в социальных коммуникациях: во-первых, необходимо ввести повсеместные обязательные к проведению для органов внутренних дел опросы граждан относительно степени удовлетворённости работой данных ведомств. В данные опросы следует включить обязательный вопрос о личном знакомстве с сотрудниками, что представляется весьма показательным критерием того, знают ли жители конкретной территории хотя бы своего участкового уполномоченного полиции (отрицательный ответ на это вопрос, на наш взгляд, уже сам по себе свидетельствует о проблеме с доверием и социальной коммуникации полиции и населения на данной территории); во-вторых, следует включить такой показатель, как «степень удовлетворённости населения деятельностью органов правопорядка» в перечень показателей эффективности организации деятельности полиции, на основании которого будет производиться оценка эффективности социальной коммуникации, выстроенной на конкретной территории конкретным органом правопорядка, и будут приниматься соответствующие организационные и кадровые решения. Обратим внимание, что закон «О полиции» провозглашает совершенно правильные приоритеты в работе полиции, а именно закрепляет, что «полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности; полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в её защите от преступных и иных противоправных посягательств» [14]. На наш взгляд, важные задачи состоят в том, чтобы: 1) эти нормы не остались формальными декларациями, а определили реальные приоритеты в повседневной деятельности полиции; 2) содержание и значение указанных норм было доведено

в доступной форме до как можно более широкой аудитории, чтобы убедить людей в действенности этих установлений. Для решения данных задач необходима не только идейная трансформация деятельности полиции, о которой мы писали выше, но и соответствующее коренное совершенствование подходов к общественным коммуникациям органов правопорядка.

Отметим также, что анализ текста Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утверждённого Указом Президента Российской Федерации [13], демонстрирует, что в нём, к сожалению, не используются понятия общественных связей, связей с гражданским обществом, коммуникации с обществом, имиджа органов правопорядка, позиционирования органов правопорядка и их сотрудников в обществе. Это позволяет сделать вывод, что в подзаконных актах в настоящее время не уделено должного внимания важнейшей, на наш взгляд, тематике социальных коммуникаций органов правопорядка. Очевидной в связи с этим кажется необходимость разработать и принять «Концепцию развития общественных связей институтов правопорядка». Сделать это необходимо на уровне указа Президента Российской Федерации, поскольку статус документа, утверждаемого главой государства, покажет важность и серьёзность подхода к проблематике совершенствования социальной коммуникации органов правопорядка и их коммуникативной функции.

Выводы

В результате проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

1. Для институтов правопорядка, которые по своей сути являются социальными институтами, крайне важно выстраивание их адекватного образа в общественном сознании.
2. Коммуникативная функция институтов правопорядка является отнюдь не второстепенной, поскольку именно она ориентирована на их позитивное позиционирование в общественном сознании.
3. Вопрос коммуникаций между институтами правопорядка и обществом имеет глубокие социально-философские и правовые основания: так, именно индивиды в гражданском обществе определяют своими правами и законными интересами смысл и содержание деятельности органов правопорядка.
4. Доверие граждан институтам правопорядка (в числе которых органы полиции) является неотъемлемым элементом эффективного осуществления ими своих полномочий.
5. Обеспечение эффективности и постоянства двусторонних коммуникаций с обществом является для органов защиты правопорядка первоочередной задачей, при выполнении которой они сталкиваются с проблемой «информационного вакуума», возникающей из-за быстро усложняющейся структуры медиаполя.
6. Преодоление данной и других рассмотренных в исследовании проблем мы видим во внедрении в коммуникационную деятельность институтов правопорядка России концепции «Полиция для общества», включающей целый комплекс разноплановых мер по выстраиванию положительного позиционирования институтов правопорядка в общественном сознании.

Список литературы

1. Антошкин, В. Н. Коммуникативное взаимодействие правоохранительных органов с населением / В. Н. Антошкин, Х. М. Вышегуров, Р. Р. Мамалимов // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 10. – С. 117–124.
2. Арчер, М. Реализм и морфогенез / М. Арчер; пер. с англ. О. А. Оберемко // Социологический журнал. – 1994. – № 4. – С. 50–68.
3. Бурдьё, П. Структура, габитус, практика / П. Бурдьё; пер. Н. А. Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 41–58.
4. Гегель, Г. В. Ф. Философия права. Философское наследие / Г. В. Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1990. – Т. 113. – 527 с.
5. Гидденс, Э. Устройство общества: очерк теории стурктуриации / Э. Гидденс. – Москва: Академический Проект, 2005. – 528 с.
6. Денилханов, А. Х. Социально-политические и правовые предпосылки конституционной модернизации России в начале XX в. / А. Х. Денилханов // Вестник Московского государственного областного университета. – 2020. – № 1. – С. 3–19. doi: 10.18384/2224-0209-2020-1-993.
7. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А. Б. Гофмана / Э. Дюркгейм. – Москва: Канон, 1995. – 352 с.
8. Ермолаев, Г. С. Политический PR: проблемы и перспективы / Г. С. Ермолаев // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. – 2018. – Т. 1. – С. 29–34.
9. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – Москва: Рарог, 1993. – 235 с.
10. Лассуэлл, Г. Д. Язык власти / Г. Д. Лассуэлл; пер. М. В. Толмачева // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 264–279.
11. Норт, Д. К. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. К. Норт; пер. Д. Е. Расков // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 6–17.
12. Поляков, А. В. Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода / А. В. Поляков // Правоведение. – 2016. – № 5 (328). – С. 144–156.
13. Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (дата обращения: 10.08.2022).
14. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (последняя редакция) «О полиции». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 10.08.2022).
15. Черногор, Н. Н. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка. / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – Т. 1. – 348 с.
16. Чичерин, Б. Философия права / Б. Чичерин. – Москва: типолитограф. Тов-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. – 337 с.
17. Шелохаев, С. Дмитрий Николаевич Шипов: «Внутреннее устройство личности – главная основа улучшения и устройства всего социального строя...» / С. Шелохаев // Российский либерализм: идеи и люди / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. – 2-е изд. – Москва: Новое издательство, 2007. – 904 с.

References

1. Antoshkin, V. N., Vyshegurov, H. M., Mamalimov, R. R. Kommunikativnoe vzaimodeystvie pravookhranitelnykh organov s naseleniem [Communicative interaction of law enforcement agencies with the population]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2019, no. 10, pp. 117–124.
2. Archer, M. Realizm i morfogenез [Realism and morphogenesis]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 1994, no. 4, pp. 50–68.
3. Burde P. Struktura, gabitus, praktika [Structure, habitus, practice]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 1998, vol. 1, no. 2, pp. 41–58.
4. Gegel, G. V. F. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mysl; 1990, vol. 113, 527 p.
5. Giddens, Ye. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii sturkturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2005, 528 p.
6. Denilkanov, A. Kh. Sotsialno-politicheskie i pravovye predposylki konstitutsionnoy modernizatsii Rossii v nachale XX veka [Sociopolitical and legal prerequisites of constitutional modernization of Russia in the early XX century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University], 2020, no. 1, pp. 3–19. doi: 10.18384/2224-0209-2020-1-993.

7. Durkgeym, E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method and purpose]. Moscow: Kanon; 1995, 352 p.
8. Ermolaev, G. S. Politicheskiy PR: problemy i perspektivy [Political PR: problems and prospects]. *Strategii razvitiya sotsialnykh obshchnostey, institutov i territoriy* [Strategies for the development of social communities, institutions and territories]. 2018, vol. 1, pp. 29–34.
9. Ilin, I. A. *O sushchnosti pravosoznaniya* [About the Essence of the Legal Consciousness]. Moscow: 1993, 235 p.
10. Lassuyell, G. D. Yazyk vlasti [The language of power]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. 2006, no. 20, pp. 264–279.
11. Nort, D. K. *Institutsionalnye izmeneniya: ramki analiza* [Institutional changes: the framework of analysis]. *Voprosy Ekonomiki* [Questions of Economics]. 1997, no. 3, pp. 6–17.
12. Polyakov, A. V. *Psikhologicheskaya teoriya prava L. Petrazhickogo v svete kommunikativnogo podkhoda* [Psychological theory of law by Leo Petrazzicki in the light of the communicative approach]. *Pravovedenie* [Jurisprudence]. 2016, no. 5 (328), pp. 144–156.
13. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 21.12.2016 № 699 "Ob utverzhenii Polozheniya o Ministerstve vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii i Tipovogo polozheniya o territorialnom organe Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii po subektu Rossiyskoy Federatsii"* [Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 No. 699 "On approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the constituent entity of the Russian Federation"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (accessed: 10.08.2022).
14. *Federalnyy zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ (poslednyaya redaktsiya) "O politsii"* [Federal Law No 3-FZ of February 7 2011 "On the Police"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (accessed: 10.08.2022).
15. Chernogor, N. N., Pashentsev, D. A., Zaloilo, M. V. *Obshchee uchenie o pravovom poryadke: voshozhdenie pravoporyadka* [The general doctrine of the legal order: the rise of the legal order]. Moscow: INFRA-M; 2019, 348 p.
16. Chicherin, B. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: 1900, 337 p.
17. Shelokhaev, S. *Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi* [Russian Liberalism: Ideas and people]. Moscow: Novoe izdatelstvo; 2007, 904 p.

Информация об авторе

Муратшина Ю. Р. – аспирант.

Information about the author

Muratshina Y. R. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 04.09.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 30.01.2023.

The article was submitted 04.09.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 30.01.2023.